

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ

Крылова А.О. «Митрополит Дмитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Выносимое на защиту диссертационное исследование обладает научной новизной и целым рядом несомненных достоинств. Несмотря на то, что фигура Дмитрия Ростовского и различные аспекты его жизни и деятельности на церковном поприще уже давно привлекают внимание как исследователей, так и популяризаторов российской истории и культуры, Диссертанту удалось в своей работе предложить новый взгляд на целый ряд проблем. Это стало возможно, в частности, благодаря выбранной исследовательской опции, а именно – рассмотрению «феномена» Дмитрия Ростовского в «контексте религиозно-культурной истории Европы Раннего Нового времени» (с. 4–5). И в этом заключается принципиальная новизна данной работы.

Глава I исследования выполняет роль своего рода масштабного исторического введения: Диссертант описывает становление интеллектуальной культуры русских земель до Нового времени, рассматривает специфику развития православной традиции в Речи Посполитой (т.н. «православное возрождение» XVI в., влияние реформационных движений и посттриденского Католицизма, реформы Киевского митрополита Петра Могилы как проявление «православной конфессионализации», становление киево-могилянской интеллектуальной традиции) и анализирует формы культурного взаимодействия киевского и московского богословий в XVII в. Данное взаимодействие рассматривается во II-й главе на примере личности Дмитрия Ростовского, который предстает в качестве одного из связующих звеньев двух богословских традиций. Для Диссертанта ключевыми моментами являются евхаристические споры конца XVII в. и позиция Дмитрия Ростовского в вопросе о времени преосуществления Св. Даров, работа митрополита над Четьими-Минееми и круг его контактов как среди киевского, так и московского духовенства. III-я глава представляет собой последовательную реконструкцию пасторской концепции Дмитрия Ростовского, его воззрений на роль «внешнего знания» в деле христианского просвещения, представлений митрополита о грехе, его понимание таинств Покаяния и Евхаристии. Реконструкция воззрений митрополита осуществляется Диссертантом в постоянной конфронтации и сравнении позиции Дмитрия Ростовского со взглядами представителей православного и католического богословий той эпохи, деятелей старообрядческого движения.

Диссертация А.О. Крылова свидетельствует о фундированной проработке автором историографии вопроса: список использованной литературы включает 377 позиций на русском, украинском, польском, английском и немецком языках. Историографический раздел исследования (с. 8–44) представляется особенно удачным: в нем дан обзор

практически всех созданных до настоящего времени «димитриеведческих» работ историков, филологов, богословов, философов, искусствоведов и литературоведов. Историографический обзор организован преимущественно по хронологическому принципу: Диссертант выделяет специфику изучения жизни и деятельности Ростовского митрополита в разные эпохи и разными историографическими направлениями (первые опыты его биографии (жития), историографическая традиция XIX в., советские и новейшие российские исследования, работы зарубежных авторов и представителей современной украинской историографии). Частью историографического раздела является обзор основных концепций истории русской культуры XVII – начала XVIII вв. на основе научной литературы последних десятилетий (с. 38–44). Диссертант предлагает свое объяснение затуханию или, наоборот, возрождению интереса к фигуре Дмитрия Ростовского в разные эпохи; делает вывод о необходимости и продуктивности междисциплинарного подхода к изучению личности и взглядов Ростовского митрополита, выделяет сюжеты и проблемы, которые не были до конца глубоко проработаны или осмыслены предшествующей историографией.

Источниковая база диссертационного исследования ограничена теми текстами авторства Дмитрия Ростовского, которые наиболее соответствуют исследовательским задачам Диссертанта. Были использованы духовно-просветительские, богословские, полемические сочинения, проповеди, агиографические труды и поучения, входящие в состав историко-просветительских трудов. В отдельную категорию источников выделены предписания для духовенства. Диссертантом привлекается также эпистолярное наследие митрополита, его личные заметки и маргинальные записи на полях книг из его личной библиотеки. Активное обращение к данной категории источников, введенных в научный оборот в первую очередь благодаря исследованиям Л.А. Янковской и М.А. Федотовой, также можно отнести к элементам новизны диссертации.

Безусловно положительной чертой исследования является логическая последовательность рассуждения; значительная свобода Диссертанта от утвердившихся в историографии мнений и клише, стремление проверить обоснованность прижившихся в «димитриеведении» стереотипов. Довольно убедительно решается Диссертантом одна из основных задач исследования: ответить на вопрос о степени влияния «латинских» богословских мнений на воззрения Ростовского митрополита, о влиянии «латинской учености» на весь строй мысли и богословской аргументации Дмитрия Савича. Удачным следует признать и осуществленный в диссертации анализ взглядов Дмитрия Ростовского по вопросу о времени преосуществления Св. Даров (§ 1, гл. II), взглядов Ростовского митрополита об инструментальном использовании «внешних знаний» и «внешней мудрости» в пастырской практике (§ 1, гл. III). Весьма продуктивной представляется идея Диссертанта о выработанной Дмитрием Савичем т.н. «положительной стратегии» противостояния старообрядчеству, когда акцент делается не на ограничительных и репрессивных мерах, но на «укреплении православной идентичности» паствы (с. 321).

Наряду с несомненными достоинствами работы хотелось бы высказать и некоторые замечания. Создается впечатление, что Диссертант несколько злоупотребляет теоретической концепцией «конфессионализации», само применение которой к русскому материалу еще нуждается в серьезном теоретическом обосновании. Проблема релевантности концепции «православной конфессионализации» достаточно активно обсуждается как в российской историографии (например, статья Л.Б. Сукиной в «Вестнике Санкт-Петербургского Университета». Серия 17. 2014. № 2. С. 115–119), так и в зарубежных исследованиях (*Brüning A. Unio non est Unitas. Wiesbaden, 2008*). Сложно согласиться с позицией Диссертанта, что у Петра Могилы и его последователей существовала некая последовательная «программа православной конфессионализации» (с. 76–77; курсив мой. – М.К.) и что кружок «ревнителей благочестия», сформировавшийся вокруг царского духовника Стефана Вонифатьева и ставший выражением «религиозного подъема, охватившего Великороссию в 1640-х гг.», также предложил свою «программу православной конфессионализации» в ее специфическом – великорусском изводе (с. 111; курсив мой. – М.К.). Сама по себе борьба с нестроениями в церкви и установка на христианское просветительство (что, по мнению Диссертанта, сближало церковные элиты Киева и Москвы в XVII в.) к «конфессионализации» как таковой отношения не имеют. Аналогичные тенденции были присущи и более ранним эпохам, которые решали эти задачи доступными им средствами.

В работе встречаются отдельные неточности в атрибуции сочинений Дмитрия Ростовского. Характеризуя источниковую базу своей работы, Диссертант причисляет к категории «богословские сочинения, написанные для широкого читателя» два небольших катехизиса – «Вопросы и ответы краткие о вере» и «Зерцало Православного исповедания». «Слог этих сочинений и их пастырская направленность, – как считает Диссертант, – позволяют датировать их Ростовским периодом жизни Дмитрия Савича» (с. 46). Оба труда действительно присутствуют во всех изданиях сочинений Дмитрия Ростовского. При этом исследование А.Б. Григорьева убедительно показало, что «Вопросы и ответы краткие» были составлены на самом деле митрополитом Ростовским и Ярославским Арсением (Мациевичем) (см.: «Катехизис» митрополита Арсения Мациевича в ряду рукописных и печатных катехизисов XVIII в. // *Филаретовский альманах. Вып. 7. М., 2011. С. 163–213*), а «Зерцало», как заметил еще автор небольшой анонимной заметки в журнале «Странник» (1895. Сентябрь. С. 25), представляет собой всего лишь сокращенную версию «Православного исповедание веры» Петра Могилы.

В своем рассуждении Диссертант также активно использует приписываемое Дмитрию Ростовскому «Рассуждение о преосуществлении Св. Евхаристии» (с. 10, 31, 46–47, др.). Авторство было поставлено под сомнение еще в 1891 г. И.А. Шляпкиным, о чем Диссертанту известно. Но при этом к проблеме спорного авторства он обращается уже после анализа сочинения (с. 158–159), приводя не до конца убедительные аргументы против предположений Шляпкина, что следовало бы сделать уже в рамках раздела «Источники».

Работе присуща и определенная терминологическая пестрота и непоследовательность. Это касается, в первую очередь, употребления таких понятий, как «малороссийский / малорусский», «великороссийский / великорусский» и «западно-русский», которые встречаются во всех возможных комбинациях (например, «малороссийский – великорусский», с. 12; «великорусский – западнорусский», с. 10, 73; др.). В единичных случаях применительно к XVII в. встречается даже не вписывающееся в общую концепцию Автора словосочетание «украинские писатели» (с. 43). Но в данном случае реферируется работа американского историка П. Бушковича. Говоря о реалиях начала XVIII в., Диссертант говорит то о «Русской Церкви», то все еще о «Великорусской» (с. 6). Подобная терминологическая вариативность (встречающаяся зачастую даже в рамках одного абзаца) позволяет предполагать, что за этим стоит и какое-то различие смыслов. Объяснений этому мы, однако, в работе не находим. К досадным небрежностям можно отнести и то, что Автор говорит то о «Католицизме» (с. 78, 133), то о «Католичестве» (с. 75, 125прим.); в работе встречается написание как «православная Церковь», так и «Православная церковь». Понятием «славянский язык» Диссертант обозначает то особую разновидность книжного языка кириллических изданий Киевской митрополии (с. 104), то церковнославянский язык переводов Евфимия Чудовского (с. 155).

Не столько в качестве замечания, сколько в качестве полемической реплики и пожелания Диссертанту хотелось бы отметить следующее. Сама формулировка темы исследования, а также внутренняя логика рассуждения свидетельствуют о том, что Диссертант рассматривает все пространство восточнославянского Православия как *единое* в культурном отношении пространство, не лишенное, правда, отдельных *региональных* особенностей. Все духовенство от Средневековья до XVIII в. именуется «русским» духовенством (название I главы), Киевская митрополия (судя по названию диссертации) рассматривается как часть России еще до ее официального вхождения в состав Московского Патриархата. Сама по себе позиция Диссертанта никаких возражений не вызывает, хотя в историографии (и не только в современной украинской и белорусской) существует и иной подход, рассматривающий Киевское и Московское Православия как далеко не во всем тождественные традиции. И диссертационное исследование значительно бы выиграло от того, если бы Диссертант уделил этой проблеме определенное внимание. Замечание же в данном случае заключается в том, что сам Диссертант не всегда последовательно придерживается выбранной им линии и целым рядом высказываний и наблюдений ставит под сомнение собственную концепцию единства православного мира или единства «православной культуры Малороссии и Великороссии» (с. 77), которое выражалось, в частности, в присущей им «общей культурной парадигме...» (с. 334). Это является одним из положений, которые Диссертант выносит на защиту. В работе можно встретить такие характеристики, как «западнорусское Православие» (с. 72); в другом месте говорится во множественном числе о существовании «восточно-христианских традиций» (с. 327). Диссертант признает, что между «западнорусской и великорусской православными культурами» в конце XVI – начале XVII вв. существовало значительное отчуждение (с. 73). Уделяя определенное внимание

т.н. «православному возрождению» в Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII вв., Диссертант рассматривает его как явление, типичное только лишь для «Литовской Руси» и подготовленное всей совокупностью исторических условий, в которых довелось существовать Киевской митрополии (с. 70 и далее). Говоря о церковной реформе Киевского митрополита Петра Могилы, Диссертант сам признает, что реформа «была нацелена на то, чтобы вписать Православную церковь в культурное пространство Речи Посполитой» (с. 80). И далее – о «могилянской ориентации на вхождение православных в культурное пространство Речи Посполитой» (с. 90). Признавая тем самым, что церковная элита могилянского круга предпочитала смотреть скорее на Запад, чем на Восток. Перечисленные выше и многие другие приведенные в работе факты и наблюдения нуждаются, как представляется, в дополнительном объяснении, если Диссертант хочет последовательно отстаивать идею единства восточнославянского православного мира.

Высказанные выше замечания и пожелания ни в коей мере не умаляют достоинств данного исследования. Диссертация представляет собой достаточно зрелое и самостоятельное исследование, заслуживающее высокой оценки, а Крылов Алексей Олегович – присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Автореферат и публикации А.О. Крылова полностью отражают содержание диссертации.

20 января 2015 г.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института философии
Российской академии наук

М.А. Корзо

М.А. Корзо

Подпись *Корзо М.А.*
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН *Г.Г. К.В. Коваленко*

Юридический адрес:
119991, Москва, ул. Волхонка, д. 14, строение 5
тел. (495) 697-91-09
<http://iph.ras.ru/>

